

ТАЛАНТ

Как-то поздно вечером в московский троллейбус вошли двое: старый режиссер-педагог и его ученик — молодой, начинающий, но уже популярный актер. Жизнь в троллейбусе остановилась, кондуктор (тогда еще были кондукторы) перестала продавать билеты: все разглядывали живую знаменитость. И никто не уступил места старику режиссеру.

Летел я в Пермь, город балерины Нади Павловой. Летел... к Сахаровой. Еще из Москвы позвонил ей.

— На репетиции я вас не пущу. Беседовать с вами мне некогда. И вообще у меня экзамены...

Я положил трубку в раздумье: характерец...

ЧТО ТАКОЕ ТАЛАНТ вообще? Каждый, кто брался ответить на этот вопрос, отламывал от истины лишь по кусочку. И никто никогда не мог, и никто никогда не сможет постичь природу таланта до дна. Иного исхода нет, к счастью. Ибо тогда оказалась бы раскрытой, а значит, навсегда исчезла бы для нас тайна таланта, одна из самых прекрасных тайн на земле.

Смягчается времен
суровость,
Теряют новизну слова.
Талант — единственная
новость,
Которая всегда нова.

Там, в Перми, вдали от суетного света, надеялся я разглядеть талант сахаровских учениц, а это значит — талант и ее собственный. Разглядеть не через театральный бинокль, а вблизи.

— И-и — раз, и-и — два, и-и пошли, пошли!.. Оля, ты же первая поняла, что это такое, а сейчас стоишь? А ты там что?.. Я говорю, ногу поворачивай, а не тело. Меня не интересует, получается или не получается, меня интересует, правильно ты делаешь или неправильно!..

— А ты, Павлова, а вы, Надежда Васильевна?.. Прима, — ты что же не видишь, что у тебя левая нога косолопая и ты вперед совсем не прыгаешь? Вперед надо, вперед. Кузьмичева, покажи ей, как это делается. Смотри, Павлова, на нее. И-и — раз...

Расплакалась одна девочка, потом другая.

— Со слезами — уйди! Уйди — не делай!... — голос у Сахаровой резкий, металлический.

Поздно вечером пришел граф Альберт (Марат Даукаев), и они стали репетировать с Надей завтрашнюю «Жизель». Уже спокойно, поскольку спектакль готов.

— Если завтра в этом месте будут вызывать, выйди, но не из-за кулис кланяться, а на сцену выходи, на середину. И не вздумай улыбнуться. А то как в прошлый раз — ты что? Кланяться так, будто продолжаешь тему спектакля. Тебя уже нет — это тень твоя, Жизель. Призрак. И зрители должны это видеть даже в поклоне.

Надя в этот день, накануне спектакля, занималась бесконечно.

Так что же такое талант?.. Я убежден, говорил я Сахаровой, те, кто не сбежал от вас, будут верны вашему ремеслу душой и телом! Но... вспомнил я слезы, — но, чисто по-человечески, как и чем помя-

нут они вас лет через десять — двадцать?

— Думаю все-таки, поймут и поблагодарят. Хотите случай? Приехали мы как-то на гастроли в один столичный город. А там моя давняя ученица танцует, много лет назад выпустилась. Звонит вдруг в гостиницу:

«Людмила Павловна, как я рада, очень хочу вас видеть». — «Давай, говорю, Марина, приезжай». — «Хорошо!» Жду — нет. На второй день опять от нее звонок: «Хочу видеть». — «Приезжай же, жду». И опять — никто не едет. На третий день встречаю ее подругу, та говорит: «Марина курить недавно стала. А сейчас узнала: Сахарова приехала! И три дня нигде не показывается, жует дома лавровый лист...»

Один из принципов работы Сахаровой: дети должны любить сам процесс работы, а не итог его. Возможно ли, любовь при такой жесткости?

— А вы разве не заметили, что расплакались те девочки, на которых я перестала обращать внимание. Для них это самая большая обида. Когда вдруг кричу, они неистовствуют внутри себя, напрягаются и — делают все, как надо...

Теперь я понимаю, почему все-таки слава, так шумно проносимая над детской Надиной головой, не уронила с нее ни одного волоска. Когда у меня сейчас спрашивают: не знала ли еще? Я улыбаюсь в ответ: эти люди не знают Сахаровой. Даже если отбросить всю целомудренную скромность Нади — пусть это была бы совсем другая девочка, не она, все равно бы я не смог представить ученицу Сахаровой иной.

Что было — забудь, говорит Сахарова Наде о конкурсе. Это еще даже не начало, это еще очень дальние подступы к мастерству. И, кстати, мастеру со временем работать становится не легче, а труднее, потому что у мастера нет границ. А раз так, всю жизнь ты, Надежда Павлова, должна быть не только мастером, но и ученицей.

— А ведь с одного только этого конкурсного «Щелкунчика» сколько лет можно было бы сливки снимать, — говорит Сахарова. — Но если ты уже начинаешь тратить приобретенное, значит, перестаешь расти, значит, перестаешь быть ученицей. Это — гибель.

Так что же, талант — это выжимки неистового труда? И работа, и владычество, которые Сахарова сумела мудро уравновесить в своих учениках: рабство у труда и владычество над зрителем?

ВЛАДЫЧЕСТВО было во второй день. Шла «Жизель». Как вчера, теперь уже признаюсь, временами я просто не переносил Сахарову, так теперь боготворил ее в Наде.

Она танцевала, как будто верила еще в Деда Мороза, в волшебную Фею, во все на свете чудеса добра и любви. И поворот головы, и взгляд — как будто увидела падучую звезду вдали и успела загадать желание. А потом просыпался целый звездный дождь над головой.

И я, несколько раз видевший эту сцену на репетиции, чувст-

вовую, как меня поднимает в кресле: «Марат, ты ослеп! Она же тебя взаправду любит! Любит же!»

И сцена сумасшествия — сил нет и слов нет. Это надо видеть, писать — пустое дело. Талант драматической актрисы был на уровне ее балетного дара.

А потом был тот самый момент, когда после бурных восторгов зала уже не Жизель, а призрак ее вышел на сцену. На сцену середины, как просила Сахарова. И все было, как и быть положено, потусторонне и зыбко. Но тут кто-то из зрителей протянул Наде цветы, и она... улыбулась.

Но и улыбка вышла нездешней, неземной. И не разрушила невинный чар Жизели.

...Я брожу где-то вне времени и пространства.

Висит снег вокруг, и, мягко шевеля плавниками, опускается на дома, на поля, на леса, на весь мир. На общепитие Нади Павловой.

И город застыл заснеженный и ненасыщенный.

Подъехал и остановился грузовик. Кто-то в кабине громко выругался. Как не стыдно снегу падать в этот переулочек...

ТАМ, ГДЕ слава, там — легенды. И одна из них, о Наде — нелепа: дичок...

А я вспоминаю, как после спектакля, поздно вечером, по пустому уже коридору шла маленькая крестьянская девушка Жизель. Пережившая все муки любви и вновь воскресшая. Подожла к автомату с газированной водой, нажала кнопку. Проходили мимо рабочие сцены.

— Погоди, — сказал один другому, — дай хоть на Павлову вблизи посмотреть.

Она улыбулась доверчиво, ибо в искренности и наивности они были ей под стать.

— Да-а, Павлова, — сердито протянул другой, — я тут в этом театре вкальваю, вкальваю, двадцать лет уже вкальваю, а билет тебе и жене не могу достать.

— А что я, виновата, что ли? — сквозь улыбку обиделась Наде. И в улыбке этой, и в обиде этой обнажился ребенок.

— Виновата, виновата, — быстро и серьезно вставил я. — Надо хуже танцевать, тогда и билеты будут.

Снова расплылась было, но... тут же споткнулась на полуулыбке: чужой. Шутник тоже. Сейчас, небось, вынет авторучку, блокнот и с умным видом спросит: «А какой ваш любимый цвет?»

Эти вопросы довели ее до слез, когда ей не было еще шестнадцати. Те, кто задавал их, надеялись на блистательные ответы. А их не было, потому что она была, как все. Во всем, кроме балета. И она сама понимала свою наивность, но других ответов не знала. Она, сама себе еще не все хочет и может объяснить, а тут — чужим. Как нераспустившийся бутон, ее силились раскрыть искусственно, чтобы все-таки заглянуть, а что там, внутри. И она закрывалась еще более.

Где-то в середине — в конце нашего знакомства Сахарова сама предложила, посоветовала мне поговорить с Надей. Я от-

казался. И за все одиннадцать дней не спросил ее ни о чем. Это единственное, что я мог сделать для Нади в Перми как журналист.

Сейчас мне хочется подумать о другом. Надя всего трижды танцевала «Жизель», и каждый раз это стоило хлопот, нервов. Вначале ее пригласили на концерт в соседний Свердловск (был юбилей города), потом — в Чувашию (республике вручали орден), потом — в Киев... И каждый раз она попадала к себе на «Жизель» с трапа самолета. А в самой Перми, в области: как юбилей завода, так Павлову на сцену. И это — бесконечно.

И если уж Сахарова, с ее железной волей, хваткой и силой, разводит руками: что делать? — значит, надо, пока еще не поздно, задуматься Министерству культуры: Надя ведь еще ребенок.

С Сахаровой так уж у нас сложились отношения, что я бывал у нее на всех репетициях и уроках, и каждый буквально вечер мы бродили по городу. И уже по-другому относился я теперь к ее резким словам. Потому что есть слова, и есть — поступки, и я их увидел. Как-то Надя простудилась, Сахарова забрала ее из общежития к себе домой. Уложила, ставила компрессы, грелки...

А когда после конкурса в Москве Сахаровой предложили поехать с Надей в Америку вместе с труппой Большого театра, она пришла в министерство:

— Мы не поедем. Наде надо отдохнуть.

С трудом уговорили Сахарову: и там вы сможете ее побережь. Командовать ею будете только вы.

Поехали, но... Сахарова увидела вдруг, что Надя все-таки устала, и хотя им предлагали там великолепные условия для отдыха, она, Сахарова, за месяц до окончания гастролей взяла Надю за руку и увезла из Нью-Йорка в Сочи. Увезла, как увела из комнаты в комнату.

Вот что такое Сахарова.

Это я узнал от других. Сама Людмила Павловна иначе об этом рассказывала.

— А потом мы с детьми в отпуск уехали...

— С какими детьми, с вашими или училищными?

— И с теми, и с другими. Надя с Олей Ченчиковой поехали, и Иру с Сашей я прихватила.

Надя — избраница Сахаровой? Не знаю. Все, что она делает для нее, — не в ущерб другим ученицам И задания, и спрос одинаковы. Поехала с ними с двумя отдохнуть на юг? «Но они же обе устали от конкурса, а остальные девочки все лето отдыхали».

Любовь Сахаровой к Наде сродни материнской. Но мудрее материнской, ибо эта любовь ни на секунду не бывает слепой. И в этом тоже грань ее таланта. Поясно. Бесплодные земли не бывает — это известно. Однако известно и то, что, родившись в далеких землях, юные таланты спешили на воспитание в Москву, как в балетную Мекку.

Когда же Наде предложили закончить училище в Москве, а Сахаровой — курс учеников в московском училище по желанию, они не поехали. И сейчас Сахарова настаивает: Надя должна год-два остаться в Перми. Личувствовать себя, утвердиться.

СЕЙЧАС уже трудно представить себе учениц Сахаровой без Нади Павловой. Но еще

невозможнее представить их одной только Павловой. Для такого педагога, как Сахарова, было бы обидным и недостойным остаться в искусстве воспитателем одной, пусть очень талантливой балерины. Еще по телефону она настаивала: «Если уж приедете, то тогда к седьмому апрелю. Оля танцует в «Лебедином»... В голосе звучала ревность за Ченчикову.

После легких Олиных фуэ-тэ я видел, как часть завороченных зрителей смотрела не на сцену, а... в ложу, где сидела Сахарова: «Браво! Браво, Людмиле Павловне!» Она засмеялась и ушла из ложи. Она вообще там оказалась случайно. Обычно сидит в партере, рядом с проходом, чтобы в любой момент выскочить за кулисы. Однажды Надя танцевала «Жизель», все шло прекрасно, но Сахарова вскочила вдруг и кинулась за кулисы. «Что случилось, Надя?» Оказывается, Надя ожидала услышать аплодисменты в паузе и не услышала. Думала, провалилась и разволновалась.

— Да вы-то, откуда догадались, Людмила Павловна? Что вы у нее кончик носа поблели...

Тут пять обыкновенных органов человеческих чувств мало. А может быть, и это тоже одна из граней сахаровского таланта?

Еще в прошлом году, когда никому не известную девочку Олю Ченчикову Сахарова стала готовить к международному конкурсу, даже друзья ее искренне советовали: «Зачем раздваиваться? Тем более что «Гран-при» у вашей Нади почти в кармане». Надя Павлова должна была ехать в Москву прямо ко второму туру, а Оля — раньше, к первому. «Пусть Оля едет в Москву одна, — советовали Сахаровой, — а вы останьтесь заниматься с Надей и потом подьедете». — «Но как я потом смогу посмотреть в глаза своим девочкам?» Сахарова служила делу, а не имени, и потому поехала в Москву с Олей, договорившись с Надей, что будет ждать ее в Москве.

Они ехали в Москву вместе — педагог и ученица, обе в свое время не признанные избалованной, выдавшей театральные виды столицей. Сахарова когда-то после окончания московского училища без особого успеха и надежд танцевала в Большом. А подмосковную девочку из города Электростали Олю Ченчикову восемь лет назад даже не приняли в московское хореографическое училище: категорическое «нет данных». Девятилетняя девочка пропустила год и отправилась затем в далекий уральский город. Там ее увидела Людмила Павловна и взяла прямо на второй курс.

И сейчас они возвращались в Москву. I тур. Прошла. II тур. Прошла. III тур!.. «Гран-при» был только один, и потому он достался другой ученице Сахаровой. Но Оля была второй.

— Если бы сейчас, сегодня, был конкурс, я не знаю, кто из них был бы первой. — Это сказала Сахарова.

Наше балетное искусство и все мы еще не раз скажем спасибо за характер той девятилетней девочке Оле Ченчиковой.

...Вечером после ослепительного Олиного «Лебединого озера» в стороне от служебного входа одиноко маячила маленькая фигурка. Надя. «Разведчица», усмехнулась Сахарова, — меня ждет». Надя робко глянула на Сахарову — как насто-

ние у педагога, как сегодня станцевала Оля? — и тихонько неслышно заикнулась: «А тут... Оля за дверь стоит». — «Ну так что? — сделала вид, что не поняла Сахарова. — Одевается, что ли?» — «Да нет, оделась уже давно». — «Ну так что прячется? Пусть выходит». Надя побежала за дверь: «Можно...»

Примы-балерины. Дети. Взрослые дети.

Итак, есть Надя, есть Оля. А уже где-то вровень с Олей стоит Регина Кузьмичева. А с ней рядом... Впрочем, я обязан назвать весь нынешний блистательный сахаровский курс: две Оли — Ченчикова и Лукина, две Нади — Павлова и Емшанова, две Лены — Шихова и Дурновоцева, две Людмилы — Залманова и Солотникова, еще — Вера Абашева, Регина Кузьмичева и Нина Занина. Последнее имя я ставлю в один ряд со всеми с особым удовольствием. Еще совсем недавно, два года назад, Нина была у другого педагога, девочку собирались отчислить за непригодность. И... ее взяла к себе Людмила Павловна.

После государственного экзамена по классическому танцу заседала комиссия. Выступала председатель комиссии народная артистка РСФСР Инна Борисовна Зубковская, приехавшая из Ленинграда:

— У вас сегодня праздник, — сказала она. — Когда я два года назад впервые увидела Надю, я тогда позавидовала Сахаровой: как повезло этому педагогу. А сегодня я увидела весь класс, всех учениц Сахаровой и теперь могу сказать: это еще неизвестно, кому из них больше почастливилось. В ваших стенах есть педагог, которым вы можете гордиться.

А Надя осталась на экзамене сама собой. Она делала то же, что и все, — и не то, так же — и не так. И, как всякий талант, это осталось необъяснимо, это осталось тайной. Такой же тайной, как 33 буквы нашего алфавита. Каждый волен распорядиться ими по-своему. Но кто-то один эти же буквы переставит вдруг по-своему — эти же буквы! — и открывает бессмертное: «Я помню чудное мгновенье...»

...Явление природы — Надя Павлова. Для Перми она — как для Ленинграда белые ночи. Если бы вдруг в один миг перенесли эти белые ночи в другой край, далеко-далеко... И вот я представляю, как придет срок, и Наде придется расставаться с Пермью. Как придется ей расставаться с Сахаровой. Хотел представить — и не смог.

СЕРЕДИНА мая, пятнадцатое число... Прекрасный Надин день, единственная пора: позади — училище, впереди — выпуск, впереди — все. Ее можно поздравить со всем тем, что она заслужила, со всеми теми, кто рядом с ней. Когда все нынешнее станет прошлым, если не забудет она свой областной театр, маленькую улочку влево от него и два дома друг против друга — училище и общежитие, — тогда, через много лет я подарю ей билет от Второго международного конкурса, который храню и хранить буду.

А что пожелать ей в этот день? Счастья? Но человек должен сам определить, что является счастьем именно для него.

Желаю — остаться ученицей. Всю жизнь — ученицей.

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ, спец. корр. «Известий».